

Римма
КАЗАКОВА

О, ВРЕМЕНА...
О, ПРАВЫ!

ДОБРАЯ ТЕТУШКА ОТ ДЯДЮШКИ СЭМА

Мы сидели с сыном на кухне и рассуждали, как жить. Ему задержали выплату за роман, у меня вообще кончились мелкие деньги за выступления. Два писателя в семье — это стремно, как сказал бы мой сын.

Но тут раздался звонок из небытия, из-за поворота судьбы возник глухой женский голос, похожий на взволнованное голубиное воркование. Он оповестил меня о том, что мне из Америки приплыли шестьдесят долларов за какой-то давно написанный и почему-то там переведенный рассказ. Обладательница голоса, которая сразу показалась мне библейским ангелом, сказала, что должна их мне передать, что они там, в США; осведомлены о положении творческой интеллигенции в России, которая двинулась по пути цивилизации.

Я воздела руки к небу и сказала: "Бог есть!". И тут же пригласила гостью из страны любезного нам теперь дядюшки Сэма к себе домой. Есть у нас привычка: за все, что кажется нам добром, немедленно платить тем же, да и поболее. Это я уже после подумала: а что собственно произошло? Почтовый голубь из заокеанской державы привез мне плату за мой труд. Ну и спасибо. Ведь это же нормально. Что же я так восторгалась, затрепетала? Да, денег у меня не было вчистую. И возникло естественное чувство благодарности, неизвестно откуда именно в этот момент свалившейся на меня благодетельнице. Воистину — ангел с неба.

А может, все же, положа руку на сердце, надо сказать, что есть некий пиетет по отношению к деньгам зеленой окраски? К немисливо дорогим заграничным магазинам, появившимся в Москве? Может, в душе теплится надежда: если уж не уехать, хоть ненадолго, в Штаты или еще куда, чтобы тех самых "зелененьких" подзаработать и немного пожить без проблем, то, скажем, познакомиться с какой-нибудь иностранной фирмой (фирмачом), законтракать, заинтересовать, найти поддержку, заручиться помощью. Спонсорство для издания книги. Какая-нибудь работенка по профессии с копанием тех же самых долларов. Так или не так?

Но раз мы так невольно ценим "их" и плюем на "нас", то есть на самих себя, возникает незаметно чувство своей второстепенности. Зависимости. Кое-что начинает даже выглядеть, как унижение. Ведь мы и вправду бедны, у нас развал и неразбериха, и на уровне государства, и на уровне отдельного человека мы нуждаемся в помощи. Занять, принять, взять подаренное или заработанное от более богатых и удачливых — для этого надо немало достоинства и самообладания. Ведь и дающие богатые (или дарящие, или продающие, или отдающие) иногда в силу своего деньгообеспеченного самоуважения дают — как подают.

Но вернемся к заморскому ангелу. Ложка, которая, как известно, дорога именно к обеду, все отодвигалась и отодвигалась ото рта. Через два дня семейного ликования по поводу улучшения материального положения я позвонила благодетельнице. И счастлива была опять услышать ее затухающий голубиный голос. Право же, я с интересом выслушала информацию о том, что ее занимает русская мода начала века, что она готовит некую конференцию и так далее. И я совершенно искренне опять приглашала ее в гости. То, что, придя в гости, она принесет мне и мой вожделенный гонорар, как-то уже само собой подразумевалось. И приглашение мое, настойчивое и нелицемерное, уже не было ну никак связано с получением этих денег. Но дама сказала, что пока ей некогда. Когда я повесила трубку, сын мрачно произнес: "Может, отдавать не хочет? Приедет и скажет, что тебя не нашла..." "Не может быть! — ответствовала я. — Она ведь в таком случае могла просто не позвонить". И все же дурные мысли лезли в голову. Может, это розыгрыш? Но одна моя коллега, оказывается, знала "ангелицу", ставящую дело превыше всего. Значит, почтовый голубь с "зелененькими" в лапках — не вымысел? Ну, ладно. Почему, однако, она все же тянет резину? Ведь сказала, что понимает наши проблемы. По-нормальному-то должна была бы в тот же день, как в первый раз позвонила, вручить мне гонорар. Сытый голодного не разумеет? А если попроще посмотреть на вещи... И вот я уже звоню американке с предложением элементарным: давайте, мол, я сама к вам заеду за гонораром, если вы заняты, естественно, это не отменяет моего приглашения в гости. Приходите в любое время и в любой день, как пожелаете...

И вдруг совершенно неожиданно в ответ слышу, как голубиное воркование становится металлом и переходит в извержение Везувия. Моя гуманитарная вспомогательница с сильным раздражением говорит, как рубит:

— Я вам позвоню, когда у меня будет время! И вешает трубку.

Вот я и нарвалась. Да, вероятно, теперь уж после моих стольких звонков ей есть, за что меня не уважать. Бегаю за этими хреновыми долларами, как последняя дура.

Злая на себя, не очень понимающая, чем вызвала такой гнев увлеченной устроительницы конференций, с грустью подумала, что не только в личных взаимоотношениях отдельных персон, но и на уровне отношений между российскими и иностранными различными взаимодействующими структурами возможен вариант нашего чересчур неприкрыто заинтересованного желания — что-то получить, что потом, естественно, вернем. И это дает партнерам возможность вариантов не совсем, мягко выражаясь, благородного поведения по отношению к нам.

Вспомнила недавний международный конгресс интеллектуалов, в котором мне довелось принимать участие. Не то что бы к нам, российским делегатам; отосились подчеркнуто плохо, но что-то все же изменилось в сравнении с годами застоя и даже перестройки. Один из руководителей конгресса, в прошлом — большой друг Советского Союза, сказал мне опечаленно: "Да, ваша страна потеряла престиж..."

Я напомнила ему, на чем наш престиж держался. И почему все так уважительно относятся к стране, когда ее пушечки направлены на тех, с кем строят отношения? "Мы вас подкармливали, и за это вы нас крепко любили... Не так ли?" "Да, так", — согласился собеседник. "А вы знаете, что помогая вам, мы раздвигали собственный народ?"

Друг Советского Союза, оставшегося в нашем общем прошлом, неожиданно смягчился, стал нормальным, искренним человеком: "Вообще-то говоря, — заметил он, — когда я, отсидев несколько лет в тюрьме за то, что был коммунистом, приехал в первый раз в Советский Союз, я сказал себе: нет, я не хочу, чтобы мои дети и внуки жили при таком социализме!"

Разговор наш переводил замечательный переводчик всех времен и народов Евгений Сидоров, в отличие от славного министра культуры — Александровича, а не Юрьевича. Он, как и я, знал эти лучшие, "престижные" времена. Но и он, и я чувствовали себя намного комфортнее, представляя не страну — заварительницу преступного афганского ужаса, не страну, покупающую идеологических единомышленников ценою благополучия родного народа, не страну концлагерей, лжи и диктата. Мы знали, что мы — начало нового престижа нашей страны. Да, она переживает невероятный, трудный поворот. Она нуждается в помощи, но — я уверена — отметет трусливое отступничество вчерашних прихлебателей и отвергнет наглую руку с подачкой.

Странное дело! Чем труднее нам, тем более остробно понимаешь, в какой стране живешь, к какому роду-племени, к какому народу принадлежишь. Общаясь с читателями в поэтических встречах, которые еще робко, но все увереннее проводят разоренные, обнищавшие кинголюбские организации, могу с полным знанием дела сказать, что народ наш вырос, поумнел, с ним все интереснее общаться. И, как ему ни тяжело, к нему можно с полной уверенностью отнести не только библейское: "не хлебом единым...", но и смелые до парадокса строки А. Вознесенского:

"Небом единым жив человек!"

Да, Блок знал, что говорил, когда вместе с "Россия, нищая Россия..." появилось и гордое, высокое — про тот народ-часовой, что один выстоял под грозой великих испытаний, что дал миру титанов, таких, как Пушкин, Толстой, Достоевский...

Если и мои сограждане чувствуют такой же прилив ответственной любви к Родине, все с нами будет в порядке. Мы справимся. На худой конец — и сами! Вот именно: сами, прежде всего — сами.

...В один прекрасный день, когда меня не было дома, пришла американская, как я ее окрестила, добрая тетюшка от дядюшки Сэма, и — через порог — передала без комментариев моему сыну причитающийся мне "гигантский" гонорар. Вернувшись домой и узнав об этом, я произнесла про себя любимое изречение, в котором и смирение перед судьбой, и благодарность: да не оскудеет рука дающего! Я подумала, что мои выводы и все крутые мысли-чувства, первоначалком к которым был случай с этими злополучными долларами, наверное, не могут соотноситься впрямую с исполнительницей американского издательского поручения. Ну, такой характер у дамы. Ну, в гости не пожелала зайти. Ее личное дело. Наверное, других знакомых хватает. В любом случае задание публикаторов она выполнила.

И все же, и все же... Вряд ли случайно все во мне откликнулось определенным образом на эту небрежную малость. Вряд ли случайно...